

Олег Матвейчев, Надежда Валенурова

Современный человек: в поисках смысла

Олег Матвейчев

**Современный человек:
в поисках смысла**

«Автор»

2004

Матвейчев О. А.

Современный человек: в поисках смысла / О. А. Матвейчев —
«Автор», 2004

Психологи из разных стран мира чрезвычайно много усилий потратили на то, чтобы показать, как только что родившийся ребенок становится полноценным человеком, как он социализируется. Но стать «нормальным» и «социализированным» – идеальная цель для того, кто еще не нормален и не социализирован. А как быть с тем, кто уже настолько социализирован, что страдает от своей социализированности, обычности и хочет стать индивидуумом, личностью, влиять на общество, чтобы изменить его? Как появляются таланты и гении? Как появляются те, кто производит научные, творческие, культурные, политические и экономические революции? Монография представляет собой сборник очерков, объединенных одной проблемой – трудности существования человека в современном мире, поиски себя и смысла жизни. Какие ответы на «вечные вопросы» дают современная философия и психология? Как личности обрести себя, как выстроить взаимоотношения с обществом? Адресовано философам, психологам, социологам, психиатрам, всем, кто интересуется проблемой души современного человека.

© Матвейчев О. А., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Предисловие	5
Кризис в психологии начала XX века и его уроки	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Н. Г. Валенурова, О. А. Матвейчев

Современный человек: в поисках смысла

Предисловие

Сегодня в стране, на наш взгляд, психология как наука и как социальный институт переживает серьезный кризис. И этот кризис тем более опасен, чем он незаметнее, чем более он маскирует себя под «расцвет» и «взрыв интереса». Действительно, на поверхностном уровне мы можем наблюдать невиданное ранее количество публикаций на запрещенные в прошлом темы, множество переводов и переизданий дореволюционной литературы по зарубежной психологии. С каждым годом увеличивается количество вузов, готовящих специалистов-психологов, факультеты психологии становятся престижными. В обществе спрос на психологов также становится все более ощутимым: психологи требуются в детских садах, школах, медицинских учреждениях пенитенциарных учреждениях, службах занятости, отделах кадров коммерческих фирм, на производственных предприятиях и т. д. Увеличивается количество практикующих психологов, психотренеров и психотерапевтов. Все это так. Но это только один аспект, если можно так выразиться, количественный. Однако перехода количества в качество пока ожидать не приходится. Если внимательно приглядеться к тому, что именно сегодня преподается и популяризируется, что пользуется спросом у работодателей, какой образ психологии господствует в массовом сознании, в сознании студентов и молодых ученых, то мы увидим отнюдь не пеструю картину.

Первое, что нужно констатировать при анализе сегодняшней ситуации, это господство психоанализа в самых различных вариантах. Так, представителями одного из направлений являются З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Берн и др., а также их многочисленные ученики, последователи, интерпретаторы (например, транзакционный анализ Э. Берна, микропсихоанализ Э. Фанти, «соционика»). При всех различиях приверженцев этой психологии объединяет убеждение в определяющей роли бессознательного (как бы оно ни понималось) в человеческой психике. Вторым по популярности (особенно в клинической практике) направлением является «физиологическое». Приверженцев этой психологии объединяет убеждение в определяющей роли физиологического, телесного в человеческой психике, хотя доктрины очень разнятся. Здесь представители и отечественных традиций, выросшие на идеях И. Павлова, В. Бехтерева, П. Анохина, Ленинградской школы, и западных «современных» концепций, как, например, нейролингвистическое программирование (НЛП).

И тем не менее при всех претензиях на новизну оба направления берут свое начало в XIX–XX веках. Тогда же, собственно говоря, они достигли пределов своего развития и подверглись серьезной, основательной критике: на Западе – со стороны представителей гуманистической, когнитивной и экзистенциальной психологии, в России – со стороны культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. При всей разности подходов всех этих критиков психоанализа, физиологизма и бихевиоризма отличало одно – стремление сохранить предмет психологии, не сводя его к предмету физиологии или антропологии.

К сожалению, сегодня именно эта, подлинная психология стала постепенно отодвигаться на второй план. Для некоторых псевдопсихологов огромное наследие советской психологии, и прежде всего школы Л. С. Выготского, оказалось отвергнутым вместе со всем «советским» – как нечто тоталитарное, социалистическое, устаревшее, догматическое. И это в то время как на Западе мы наблюдаем новую вспышку интереса к культурно-исторической психологии. Часть современной молодежи меняет Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева на А. Адлера и Ф. Перлза,

считая последних «более новыми». Видимо, должно пройти немало времени, прежде чем это чудовищное историческое недоразумение будет разрешено.

Что касается переводов и работ по гуманистической, когнитивной и экзистенциальной психологии, то следует отметить, что количество их невелико (в сравнении с лавиной переизданий З. Фрейда, К. Г. Юнга, Э. Берна, Р. Гриндера и Р. Бэндлера) и популярны они только среди ограниченного круга специалистов (как, например, популярна гуманистическая психология среди педагогов). На наш взгляд, именно возвращение к «вершинной психологии» (в противоположность всем «глубинным» психологиям психоаналитиков) будет и средством выхода из идейного кризиса, и достойным ответом возрастающим потребностям общества в специалистах-психологах.

Экзистенциальная психология – одно из направлений психологии XX века, выросшее как раз в полемике с физиологизмом и психоанализом, что делает ее чрезвычайно актуальной. В то же время экзистенциальная психология претендовала на то, чтобы быть самостоятельным направлением, и в лице многих своих представителей отмежевывалась от гуманистической и когнитивной психологии, выступая с их серьезной критикой. Поэтому опыт экзистенциальной психологии может стать вакциной против возможных в будущем подобных бездумных увлечений (человеку свойственно метаться из крайности в крайность).

И наконец, собственная судьба экзистенциальной психологии весьма показательна. Исходя из определенных теоретических предпосылок, она исчерпала определенные теоретические и практические возможности психологической науки и терапии. Однако, несмотря на все это, говорить об интересе к экзистенциальной психологии пока рано. Появились переводы, касающиеся этой области психологии, но очень мало публикаций содержащих глубокий анализ и обобщения.

Предлагаемая работа является попыткой восполнить этот пробел. Писалась она в середине 90-х годов XX века. Степень разработанности проблемы существования современного человека в отечественной литературе была в то время достаточно слабой. Не существовало ни одной монографии, ни одного диссертационного исследования, посвященного как экзистенциальной психологии в целом, так и отдельным ее представителям. В некоторых учебниках (например, учебнике М. П. Ярошевского) и словарях экзистенциальная психология рассматривается как часть гуманистической психологии, имена же основных представителей просто не упоминаются. Так, в отечественной литературе не было ни одного крупного исследования, посвященного К. Ясперсу, основателю экзистенциальной психологии, хотя на Западе он давно уже признан классиком, а его «Всеобщая психопатология» – одной из фундаментальных работ. Нам удалось обнаружить лишь несколько статей, посвященных творчеству Л. Бинсвангера, другого классика психологии XX века. Его имя не упоминается даже в психологическом словаре, хотя Л. Бинсвангер – потомственный клиницист, долгое время являвшийся президентом Швейцарского психоаналитического общества, постоянным корреспондентом З. Фрейда, действительным и почетным членом десятка академий, а в 1956 году ему была вручена высшая для психиатра награда – медаль Э. Крепелина. Невнимание отечественной психологии к Л. Бинсвангеру тем более странно, что первый его значительный труд «Введение в проблемы общей психологии» повлиял на Л. С. Выготского. И следы этого влияния можно обнаружить в важнейшей методологической работе «Исторический смысл психологического кризиса» (1927). Один из предшественников экзистенциальной психологии, Ф. Brentano, оказал серьезное влияние на другого крупнейшего советского психолога, А. Н. Леонтьева, но, к сожалению, ни теория Ф. Brentano, ни степень его влияния специально не исследованы.

Если вниманием обойдены Ф. Brentano, К. Ясперс и Л. Бинсвангер, то об остальных экзистенциальных психологах, каждый из которых был, между прочим, событием, именем в мировой психологии, и говорить не приходится. Творчеству М. Босса, Р. Лэнга, Р. Мэя посвящены единичные публикации, творчеству В. Франкла – лишь несколько статей, и то прежде

всего благодаря тому, что В. Франкл сам приезжал в Москву, чем, бесспорно, способствовал появлению интереса к своей теории. Справедливости ради надо сказать, что попытка представить экзистенциальную психологию как целостное явление все-таки осуществлялась, но осуществлялась не психологом, а философом.

Можно отметить книгу А. Руткевича «От Фрейда к Хайдеггеру» (1985). Она весьма интересна, но имеет два существенных недостатка: 1) свойственную всей тогдашней литературе идеологическую предвзятость; 2) одностороннее изложение экзистенциальной психологии, которая рассматривалась только через отношение к фрейдизму. Необходимо также упомянуть недавно вышедшую монографию Ю. В. Тихонравова «Экзистенциальная психология». Но, как отметил сам автор, это скорее учебно-справочное пособие, поскольку оно имеет реферативный, а не исследовательский характер.

Между тем экзистенциальная психология является отдельным, самостоятельным направлением психологии XX века, имеющим свой предмет (переживания, порожденные проблематикой человеческого существования) и свой метод (феноменология), и не сводится ни к психоанализу, ни к гуманистической психологии, ни к философской антропологии. Проблема переживания социального бытия и его роли в становлении личности является стержневой проблемой для экзистенциальной психологии, проблемой, определившей как идейное развитие, так и границы практического, терапевтического применения концепций данного направления.

Важнейшим методологическим принципом исследования является принцип *приоритета первоисточника*. Несмотря на то, что, как указывалось выше, экзистенциальной психологии ни за рубежом, ни в России не уделялось достаточно внимания и в связи с этим исследователи не страдают от избытка критической или интерпретирующей литературы, тем не менее даже существующие публикации уже успели задать некую традицию толкования экзистенциальной психологии. Эта традиция во многом предопределяет отношение исследователя (или просто ученого, практика) к экзистенциальной психологии, которое зачастую неадекватно, обременено всевозможными предрасудками, поверхностно и несправедливо.

Это происходит потому, что исследователь не задумывается над теми задачами, которые ставили себе критики и интерпретаторы экзистенциальной психологии. Так, например, если Р. Мэй ставил задачу отделения экзистенциальной психологии от психологии бихевиористской, то он помещал ее под рубрикой «гуманистическая психология» на том основании, что вся небихевиористская психология, по его мнению, является «гуманистической». Если кто-то ставил своей целью проследить истоки и терапевтический эффект, достигаемый экзистенциальной психологией, то он акцентировал внимание на общем комплексе конкретных доктрин, техник и, например, делал вывод, что «экзистенциальная психология – это всего лишь другое название гештальтпсихологии», и т. д. Часть авторов ставили своей целью проследить идейные истоки, так появлялось мнение, что «экзистенциальная философия – это прикладная феноменология». Некоторые авторы (А. Руткевич) рассматривали социальный контекст возникновения экзистенциалистских учений и называли экзистенциальную психологию формой «интеллектуального анархизма».

Примеров очень много. Последствия такого некритического отношения к самим критикам экзистенциальной психологии уже дали о себе знать и в нашей отечественной науке. Названные выше предрасудки по поводу экзистенциальной психологии получили прочную прописку. Поэтому, как всегда в таких случаях, появляется настоятельная потребность изучения первоисточников – текстов экзистенциальных психологов и авторов, оказавших на них непосредственное идейное влияние. В данном исследовании мы имеем дело, прежде всего с трудами К. Ясперса, М. Хайдеггера, Л. Бинсвангера, М. Босса, Р. Мэя, Р. Лэнга, В. Франкла и лишь отчасти – с трудами критиков и интерпретаторов.

Еще одним методологическим принципом построения всего исследовательского проекта служит идея *единства исторического и логического*. Предполагается, что проблемы, залож-

женные в период возникновения экзистенциальной психологии, предопределили логику ее исторического развития. Именно наличие этой имманентной логики, сохраняющейся вопреки всем внешним влияниям со стороны других школ, со стороны практики, со стороны социально-политической ситуации и проч., позволяет говорить об экзистенциальной психологии как о едином теоретическом и историческом течении. Включенность в эту логику является критерием, по которому мы определяем принадлежность того или иного автора к этому течению и его место в нем. Возможно, что не каждый объявляющий себя экзистенциальным психологом является таковым, не каждый из экзистенциальных психологов занимает в этом течении то место, которое он сам (или правоверные ученики) себе определяют (тем более что, как всегда в этих случаях, каждый считает себя самым великим, самым аутентичным).

Данный методологический принцип помогает встать по ту сторону частных амбиций ученых, а также определяет структуру работы, последовательность рассмотрения исторических фигур. Это последовательность не формально-хронологическая, а логико-историческая. Таким образом, требуется: а) показать *генезис* экзистенциальной психологии как самостоятельного направления, продемонстрировать *специфику* ее предмета и метода; б) выявить сущностные *предпосылки* и *допущения*, определяющие идейное развитие экзистенциальной психологии и ее терапевтической практики; в) определить *формы* взаимоотношения экзистенциальной психологии с другими школами и направлениями, степень *влияния* экзистенциальной психологии на общественные институты, определить собственное *место* этого направления в психологии XX века.

Объективными предпосылками возникновения экзистенциальной психологии стали: общий кризис конца XIX – начала XX века, связанный с коррекцией естественно-научной картины мира Нового времени, кризис в психологии (осмысляемый, в частности, Л. С. Выготским в работе «Исторический смысл психологического кризиса»), а также методологические исследования психологов В. Дильтея, Ф. Брентано, философов-неокантианцев и Э. Гуссерля, приведших к созданию нового метода – феноменологии.

Возросший объем кросскультурных исследований, подтверждающих главный тезис феноменологии о том, что к предмету исследования нельзя подходить с «внешней» меркой, и усилия культурно-исторических психологов Л. Выготского и Л. Лурия, создавших концептуальную матрицу для включения старых эмпирических наработок в новую парадигму, привели к необходимости, с одной стороны, онтологически обосновать новый метод (уникальность вместо инвариантности, – это теперь не только методологическое требование, но и онтологическая констатация), с другой – попытаться применить новую матрицу по отношению к новой культурно-исторической парадигме (как материалистическая, биологическая психологии были сняты в культурно-исторической психологии, так и последняя должна быть снята в психологии экзистенциально-личностной).

Эти задачи (онтологизация феноменологии, превращение ее из метода в мировоззрение и разработка мировоззрения, исходящего из приоритета уникальной личности-экзистенции, без привлечения теологии) были решены в работах психолога и философа К. Ясперса и философа М. Хайдеггера. К. Ясперс и М. Хайдеггер задали проблематику, которую позже исследовали все экзистенциальные психологи (проблемы смерти, пограничной (критической) ситуации, вины, тревоги, заполнения экзистенциального вакуума, одиночества и проч.).

Расхождения между К. Ясперсом и М. Хайдеггером по вопросу взаимоотношения общества и личности определили в дальнейшем две ветви в экзистенциальной психологии (Ясперс: экзистенция как надстройка над социальным бытием; Хайдеггер: выведение социального бытия из экзистенции). Л. Бинсвангер, хотя и стал экзистенциальным психологом под непосредственным влиянием М. Хайдеггера в силу «продуктивного непонимания», развивал скорее ясперсовскую социально-центрированную версию экзистенциальной психологии и тера-

пии. М. Босс, другой ученик Хайдеггера, развивал индивидуально-центрированную версию экзистенциальной психологии и терапии.

Проблема взаимоотношения индивида и общества, таким образом, является фундаментальной для экзистенциальной психологии, определяющей ее эволюцию и терапевтическую практику. Однако стоит отличать подходы к решению этой проблемы от подходов, принятых в других психологических школах. Культурно-историческая психология Л. Выготского также решала эту проблему. Можно сказать, что концепции культурно-исторической психологии и экзистенциальной психологии существуют по принципу дополнительности, поскольку культурно-историческая психология исследует континуальную историю личности и большое внимание уделяет проблемам опосредования, тогда как экзистенциальная психология исследует дискретную историю личности и сосредоточивает свой интерес на переживании катастроф, кризисов, разрывов постепенности, отсутствия смыслов, столкновений с чуждой социальностью и проч. Общим для культурно-исторической и экзистенциальной психологии является положение, что специфика личности во многом определяется тем, как будут выстраиваться отношения между ее внутренней уникальностью и ее вовлеченностью в различные социальные контексты.

Л. Бинсвангер повлиял на Р. Мэя, чья популяризаторская деятельность способствовала тому, что экзистенциальная психология стала известна в мире, особенно в США, и стала рассматриваться как одна из версий гуманистической психологии, поскольку и там и там практиковалось «лечение любовью». Эта ветвь экзистенциальной психологии стала выдавать себя за *всю* экзистенциальную психологию. Но даже в этом случае сведение экзистенциальной психологии к гуманистической психологии неправомерно, поскольку экзистенциальная психология, во-первых, сохраняет свою тематику и проблематику (осмысление смертности, тревоги, вины, одиночества и т. п.); во-вторых, критически относится ко многим традиционным темам гуманистической психологии (тема самоактуализации, тема психологических потребностей и проч.).

Версия М. Босса стала рассматриваться как экзотическая, маргинальная; ее влияние распространилось на деятелей контркультуры, ярчайшим представителем которой стал психолог Р. Лэнг. Влияние контркультурного движения конца 60-х годов оказалось столь велико, что привело к серьезному изменению отношения общества к психическим заболеваниям и методам лечения. Антипсихиатрия Лэнга дала серьезный гуманистический и практический эффект. В то же время она продемонстрировала полную несостоятельность фундаменталистских претензий экзистенциальной психологии.

Экзистенциальные психологи, с которыми ассоциируется современная экзистенциальная психология, такие, как В. Франкл, И. Ялом, отказываются от фундаментализма, свойственного Л. Бинсвангеру, М. Боссу, Р. Лэнгу и другим ученым, пытавшимся представить экзистенциальную психологию в качестве основной фундаментальной психологии, из которой другие психологические школы должны черпать понятия и методологические указания. В. Франкл ограничивает область действия экзистенциальной психологии «ноогенными неврозами» (невроз безработицы, невроз «отсутствия смысла жизни» и т. д.) и рядом специфических психологических техник, основанных на способности человека к трансценденции. Таким образом, экзистенциальная психология в лице ее современных представителей нашла свое место в психологической науке и культуре.

Кризис в психологии начала XX века и его уроки

Европа в начале века переживала трудные времена. Кризис охватил буквально все сферы жизни: экономику (депрессия, безработица, обнищание пролетариата), внутреннюю политику (до предела обострились отношения между социалистами и буржуазными правительствами, что привело к революциям в ряде стран), внешнюю политику (противоречия между европейскими государствами привели к Первой мировой войне).

Непростые времена переживала и культура: вне моды оказались прежние школы и направления в живописи, скульптуре, архитектуре, литературе, музыке. Пышным цветом расцвело авангардное искусство, разбившееся на десятки направлений, каждое из которых оспаривало у другого пальму первенства по степени «непонятности» массовому зрителю, слушателю, читателю.

Революционные изменения произошли и в естественных науках: теория относительности в физике, теория множеств в математике поставили под сомнение традиционную физику и математику.

Все названные институты, сферы человеческой жизнедеятельности и науки имели тем не менее недавнее происхождение, т. е. были достаточно молодыми. «Экономика», о которой шла речь, это экономика буржуазии, вышедшей на мировую арену буквально в XVII–XVIII веках, внутренняя и внешняя политика – это становление современных «демократических» государств, идеология которых появилась тогда же. Искусство и культура – это те самые «романтические» и «массовые», «светские» искусство и культура, что шли в ногу с вышеназванными процессами. Ну а науки (физика, математика и т. п.) тем более связываются исключительно с Новым временем. Если мы хотим проследить причины кризиса в психологии как в науке Нового времени, то мы должны коротко проследить ее проблематику с момента возникновения (а сутью науки Нового времени в отличие от всех предшествующих наук является *эксперимент*) до момента кризиса.

Итак, по общему мнению, начало Нового времени связано с провозглашением Ф. Бэконом знаменитого «Знание – сила», его проектом перестройки всех наук и отказом от традиционной дедуктивной логики. Необходимо накапливать данные наблюдения, экспериментировать, идти методом проб и ошибок с тем, чтобы прийти к выявлению устойчивых и постоянных закономерностей, которые в естественных или искусственных условиях могут быть повторены, продемонстрированы. Это касалось всех областей. И психологии в первую очередь. Здесь также должны были быть найдены «вечные» законы души.

В английской традиции такие «вечные» законы вскоре были «открыты». Локк и Беркли говорили о «восприятии» как главной функции души и подразделяли эти восприятия по различным видам и модулям. Впоследствии Юм открыл закон «ассоциации идей», по которому функционирует «поток сознания».

В континентальной Европе Декарт, а затем Спиноза и Лейбниц, при том что они отдавали должное дедукции, отвергнутой Бэконом, все же вносили свой вклад в поиск «вечных законов души». Декарт говорил о «представлении» как фундаментальном отличии человека, Лейбниц – об активном представлении и бессознательном представлении, Спиноза развил теорию аффектов, согласно которой «меньший аффект побеждался большим».

Тем не менее уже тогда, в XVIII веке, в противовес поиску «вечных законов души» Д. Вико в «Новой науке» заговорил о том, что естественно-научные методы неприменимы к изучению человека. Законы природы создал Бог, и они вечны. Историю и культуру творят люди, а потому они изменчивы. Следует изучать фазы развития и уникальные для каждого народа и исторического периода формы взаимодействия людей. Последователем Вико стал немец И. Гердер, который утверждал, что в языке и обычаях нужно искать механизмы формирования

различных «народов» и отдельных людей. За Гердером следует В. фон Гумбольдт с его понятиями «психология народа» и «дух народа», которые исторически увязывают язык и мышление (предшественник гипотезы Сэпира-Уорфа). Последователями и пропагандистами Гумбольдта стали Лазарус и Штейнталь.

Уже к началу XIX века антагонизм между двумя подходами сформировался настолько четко и естественно, что уже тогда появились первые попытки найти какие-то компромиссы. В частности, Дж. С. Миль полагал, что законы ассоциации, например, суть элементарные психические законы, подобные всемирному закону тяготения в физике. Но мы не можем перейти от этих законов к предсказанию реального поведения в конкретных обстоятельствах. Почему? Да потому, что в физике мы, конечно, можем рассчитать, например, характеристики приливов, зная влияние Солнца и Луны и используя закон гравитации, но эти расчеты будут приближительными, так как точность зависит от таких местных факторов, как конфигурация дна океана и ветер. Поэтому Миль говорил о двух психологиях: одна изучает общие законы мышления, другая – конкретные характеры, т. е. то, что складывается у людей при столкновении с различными обстоятельствами.

Компромисс Милия в общем и целом был принят XIX веком. Так, в частности, некий тип фиксировался как «норма» (а это был, естественно, «цивилизованный белый европеец» или даже «англосакс»), и эта «норма» соответствовала высшему типу человека вообще. Он был «самым разумным», «самым приспособленным к выживанию» (в соответствии с только что появившейся теорией Ч. Дарвина), «самым цивилизованным». Все другие типы маркировались как отклонения от нормы в зависимости от различных «обстоятельств». С одной стороны, это были климатические условия (итальянцы и испанцы темпераментнее, так как живут в жарких странах, и т. д.), с другой – специфические личные обстоятельства (болезни, родовые травмы и т. д.). Возникла «теория дегенерации», которая рисовала лестницу, ведущую 1) от обезьяны – через примитивные народы; 2) от сумасшедших в неисправимых стадиях – через психически больных к нормальным; 3) от детей – через юношей к взрослым. На одном полюсе была норма: цивилизованный, взрослый, умный европеец; на других полюсах – отклонения, «недочеловеки» в виде дикарей, сумасшедших и детей. Естественно, между полюсами были промежуточные стадии. И главной проблемой стали теория цивилизования (приведения дикаря к цивилизации), теория лечения психически больных и теория воспитания. Везде один путь – от нестандартности к стандарту. В географическом плане последователи этой теории «распространились» довольно широко. Спенсер – в Англии; Люка, Моро де Тур, Морель – во Франции; Ломброзо – в Италии; Шюле, Гегель, Крафт-Эбинг – в Германии¹.

Данная модель надолго определила методы антропологии как науки. Морган, Тейлор, Чемберлен и другие создавали «европоцентристскую антропологию», где при описании иных культур использовались эпитеты «примитивная», «дикая», «неразвитая». Хотели они того или нет, но впоследствии это привело к фашистской антропологии, делящей расы на «полноценные» и «неполноценные» с четкой рекомендацией «бороться за существование» путем геноцида.

Величайший психолог конца XIX века Вильгельм Вундт также стоял перед проблемой примирения двух психологий. Подхватив «компромиссный проект» Милия, Вундт принимает не расовую теорию видимого неравенства интеллектуальных продуктов, разделяющих народы на примитивные и цивилизованные, а культурную теорию. Физиологически и дети, и сумасшедшие (за исключением физически ущербных), и дикари одарены одинаково. Но всех разделяет опыт и разносит в разные области. Дети просто не имеют опыта, они станут такими, каково будет их воспитание (в культурной или дикой среде). Европейцы воспитываются при всех достижениях культуры и становятся культурными. Дикари не получают подобного воспи-

¹ См.: *Каттабих Ю.* История психиатрии. М., С. 323.

тания. Что касается сумасшедших, то здесь имеет место «воспитательный сбой», отклонение, которое и ведет к патологии. Вундт внес гигантский вклад как в постановку проблемы двух психологий, так и в наработку материалов по ее решению. Именно Вундт четко сформулировал основные уравнения и основные проблемы: индивидуальное = физическое = общее всем и общественное = культурное = различное. А проблема – в примирении индивидуального и общественного (социализация), или физического и культурного, или общего всем и различного.

Сам Вундт проводил многочисленные тестирования и эксперименты в физической области для того, чтобы познать «общие всем» индивидуальные физические (психические) законы. Но он же написал и многотомное исследование по «психологии народов», где иллюстрировал мысль о различиях, вызываемых разным опытом.

К сожалению, после Вундта психология не стала «единой», а, напротив, разделилась еще больше. Одна часть психологов пошла по пути исследования «общих всем» физических законов функционирования психики, другая – занялась изучением культурных и ситуационных различий. Внутри каждого из двух направлений возникают свои «поднаправления», впоследствии развившиеся в целые школы.

Первое направление идет непосредственно от Вундта и его школы (Мейнерт, Вернике). Все представители данной школы разделяли уверенность, что телесные, соматические факторы являются причиной всякой душевной деятельности, отсюда пристальное внимание к физиологии, анатомии, гистологии. Отсюда и главный упор на медикаментозное или физиологическое (уход за телом, за организмом, диеты, оперативное вмешательство) лечение. Отсюда и принципиальный подход к экспериментальной деятельности: эксперименты должны были показать связь между физическим воздействием на организм и изменением физического состояния. «Значение психотерапии сводится к воздействию на физическую основу психики».

Эта доктрина оказала огромное влияние на русскую психологию. Так, Сеченов был учеником Вундта, а Сербский – Мейнерта. Традиции этой школы были продолжены затем Павловым, Яковенко, Кащенко, Ленинградской школой. В Германии это направление возглавили Дрейфус, Шлехт, Альцгеймер, Крепелин. В США под знаменем этого подхода сформировались бихевиоризм, затем нейролингвистическое программирование. «Процессы в коре головного мозга» – это символ веры для этой школы в психологии. Причем изучение данной отрасли настолько принципиально, что сторонники вообще склонны считать, что все остальное не является наукой, а все другие школы в психологии они презрительно именуют «безмозглой психологией».

Второе направление шло от современников Вундта – Месмера, Пюсегюра, Брэда, Шарко, Льебо, Жане. По-видимому, они признавали «власть души над телом», но трактовали эту «душу» физиологически. Родоначальник этого направления А. Месмер, известный гипнотизер, который выступал с теорией «животного магнетизма». Иными словами, связь между пациентом и терапевтом хоть и трактовалась как связь на уровне «душ», но сами эти души имели «животную», материальную природу. Здесь мы просто имеем дело с другим видом господствовавшего материализма. Если в случае с Крепелином и проч. материализм был скорее физиологический, механистический, то в случае с Месмером и др. скорее биологический. Гипнотическое лечение было таким же материалистичным, как и лечение медикаментозное и диетическое. «Школа Шарко применяла в исследовании гипноза анатомо-клинический метод, который был ведущим в то время и оказался плодотворным во многих областях. Само существование гипнотического состояния подтверждалось объективно на основании физических признаков, и индукция, по их мнению, также вызывалась физическими факторами... Свет, температура, колебания атмосферного давления, электричество, магниты вызывают "изменения в нервной системе"... наличие физических "признаков" гипноза повлекло за собой при-

знание таких лечебных методов, как металлотерапия, перенос симптомов посредством магнита и т. п.»²

С первым направлением данную школу роднит признание наличия общих и неизменных для всех индивидов законов функционирования их психики. А общество рассматривается как совокупность индивидов как производных от индивидуальной психики, лишь деформирующих ее (опять-таки по ее же законам).

Третье направление связано с другой версией, другой трактовкой физической составляющей индивида. Родоначальником этой школы был Фрейд. Сначала он занимался гистологией мозга (первое поднаправление), потом был учеником Шарко (второе поднаправление), затем открыл «собственную» сущность (подоснову) психики, лежащую в основе социальности, на которую оказывает влияние лишь социальность, подвергнутая различным мутациям. Теория в более разработанном виде сводилась к тому, что на основе изначального стремления к смерти (так как всякий организм материален, то он так или иначе стремится вернуться в материальную протооснову) возникает стремление к жизни, как контрсила, сопротивляющаяся энтропии и распаду. Это стремление к жизни, сексуальная энергия, *libido*, есть сила желания, стремящаяся к удовлетворению и подчиненная принципу удовольствия. Однако с момента рождения человека это *libido* сталкивается с невозможностью удовлетворения, и психическая жизнь подчиняется принципу реальности, который отсрочивает удовлетворение до подходящего момента. Культурная среда, в которую попадает человеческий организм, а вначале это родители, оказывает решающее воздействие.

На почве привязанностей *libido* к тому или иному объекту возникают комплексы («эдипов комплекс», «комплекс Электры» и т. п.), служащие впоследствии, при нормальном развитии, основой для возникновения в психике сверх-Я, особой инстанции, контролирующей психическую жизнь, сублимирующей *libido* в другую, культурную деятельность. Неврозы и другие психические заболевания рассматривались Фрейдом как случаи неудачного вытеснения или неудачной сублимации *libido*. Тогда возникали возрастная регрессия на уровне комплексов, что становилось причиной перенесения детских чувств на терапевта, и разнообразная симптоматика, определяемая путями, которые *libido* находило для своего выхода. Эта ситуация была исходной для психоанализа и терапии. Метод анализа сновидений путем свободных ассоциаций (а также оговорок, описок и тому подобных неправильных действий) помогал установить причину тех или иных симптомов, а ситуация трансфера (переноса), в которой был врач, помогала играть роль родителя. Таким образом, лечение оказывалось до-воспитыванием человека³.

При всем том что Фрейд отдает должное самостоятельности психики, роли культуры и общества в формировании личности и в психотерапии, он тем не менее остается материалистом, ибо альфа и омега его теории – это физиологическое и материалистическое представление о *libido* и влечении к смерти. Даже еретики психоанализа Адлер и Юнг, которые пламенно выступали против абсолютизации *libido* и за повышение роли общества и культуры, не отходят от этого изначального материализма.

Так, Адлер вместо *libido* заговорил о патологиях организма, а вместо «эдипова комплекса» – о «комплексе неполноценности»; Юнг же просто расширил понимание *libido*, трактуя его не только как сексуальную энергию, а как психическую энергию вообще. Коллективное бессознательное, которое играет огромнейшую роль в юнговской терапии и которое является, по его утверждению, более глубоким слоем психики, тем не менее имеет вполне материальный субстрат: оно наследуется через физиологию, а не через культурные механизмы.

И наконец, *четвертое* поднаправление, самое позднее, связано с акцентированием внимания еще на одном субстрате психики – генетическом коде. Геном определяет и способы

² Шерток Л., Соссюр Р. де. Рождение психоаналитика: От Месмера до Фрейда. М., С. 87.

³ См.: Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. М., С. 423.

восприятия человека, и степень восприимчивости тех или иных не связанных между собой модулей восприятия к среде (Фодор), и степень влияния на них культуры. Последние открытия в генетике вызывают у ученых, придерживающихся этого направления, энтузиазм таких масштабов, что они собираются поставить взаимно однозначные соответствия между той или иной частью генома и каждым культурным явлением, каждым общественным поступком человека.

Эти четыре направления конечно же не исчерпывают всю совокупность психологических школ, верных принципу «Индивидуальная подоснова психики (версии 1, 2, 3, 4 и т. д.) первична, общество, культура, история – вторичны». Мы указали лишь на самые радикальные и оформившиеся. Ведь существует, кроме того, целая «вселенная» «второй психологии», связанная с центрированием на втором полюсе оппозиции, сформулированной Вундтом. Это те, кто склонны считать, что человек – продукт общества и что физиологические (не говоря уж о психологических) особенности человека как вида сформировались благодаря общественным отношениям. Так, существует масса исследований, доказывающих, что и рука, и череп (вместе с мозгом), и прямохождение – результат культурной, а не физической эволюции. Как говорил К. Маркс в знаменитом шестом тезисе о Фейербахе, «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности это совокупность общественных отношений». Или, как еще более точно конкретизировал отношения между физиологией и культурой И. Гиртц, «нервная система человека не просто позволяет ему обрести культуру, она, безусловно, требует, чтобы он делал это, если она вообще должна функционировать. Культура действует не только обеспечивая, развивая и расширяя основанные на органике и логически и генетически первичные по отношению к ней способности, но скорее является составной частью этих способностей как таковых. Внекультурное человеческое существо – это не одаренная, хотя и вполне полноценная обезьяна, но абсолютно бессмысленное и, следовательно, ни к чему не пригодное чудовище»⁴.

В начале XX века Г. Мюнстерберг, психолог из Гарварда, дал серьезную критику экспериментальной психологии, пытающейся найти «элементарные частицы психических атомов», будь то нейроны или определяемые ими «ощущения», *libido* и т. п.; не деятельность складывается из частиц, а, напротив, отдельные психические процессы порождаются деятельностью, подобно тому как танец – это не совокупность движений ног, а некая целостная смысловая деятельность, которая-то и определяет каждое отдельное движение ног. Эти же идеи первичности целого по отношению к частям легли в основу постулатов Вюрцбургской школы (Кюльпе) и гештальт-психологии в Германии.

Во Франции, в свою очередь, Э. Дюркгейм, который хотя и был прежде всего социологом, утверждал примат общественной жизни в порождении специфических форм психики. Ученники Дюркгейма Л. Леви-Брюль, М. Мосс и К. Леви-Стросс прославились революционными антропологическими исследованиями. Впервые культура, быт, обычаи первобытных народов были описаны не как «дикие», «примитивные». К ним подходили не с позиций европейского «цивилизованного» сознания, а рассматривали их как самостоятельные культурные целостности, порождающие определенного, специфического человека со специфическим сознанием и психикой. Более того, они рискнули утверждать, что многие из способностей, порождаемых первобытной культурой, безвозвратно утрачены европейским человеком. Утрачены напрасно. Труды этих ученых легли в основу работ критиков современной технической унифицирующей цивилизации (Батай, Бодрийяр и др.).

Ж. Пиаже, пожалуй самый влиятельный французский психолог, сосредоточил свое внимание на процессе социализации как процессе порождения человеческой психики. И хотя он наделяет ребенка первичными инстинктами, главную роль в своих исследованиях все же уделяет механизмам трансляции образования и культуры.

⁴ Geertz C. The interpretation of Cultures. N. Y., P. 68.

В США приверженцами культурно-центристского подхода явились М. Мид и Д. Дьюи. Дьюи выступил с критикой тех психологов, которые в качестве предмета своего анализа берут единичный опыт или событие, тогда как «...в реальном опыте никогда не существует никаких изолированных, уединенных объектов и событий, всякий объект или событие всегда есть некая особенная часть, фаза или аспект воспринимаемого окружающего мира – ситуации»⁵. Естественно, Дьюи имел в виду прежде всего «социальную ситуацию». И повторял, что даже физическое восприятие организуется прагматической целью (я вижу, слышу, обоняю не все подряд, а то, что мне *нужно*, на что я *направлен*), само же это направление, эта «нужность», «прагма» задается социальной группой и социальной деятельностью.

Антрополог М. Мид положил начало огромной серии кросс-культурных исследований – исследований латиноамериканцев, эскимосов, индейцев, негров и других первобытных народов. А. Хэддон, У. Х. Р. Риверс, К. С. Майерс, У. МакДугал, Э. Б. Титченер, М. Сегалл, Дж. Берри, Р. Болтон, С. Михельсон, Дж. Уайлд, А. Бине, Т. Симон, Ф. Гудинаф, Ф. Гальтон, Ф. И. Барлетт, С. Ф. Нэйделл, Г. Бейтсон, М. Коул, Дж. Гей, С. Краус, С. Глюксберг, И. Эванс-Причард, Д. Ирвин, С. Тулмин, Д. Прайс-Вильямс, Дж. Брунер, А. Лурия и многие другие ученые из разных стран вносили различный вклад в общую копилку сравнительных, экспериментальных и описательных исследований, благодаря которым «вторая психология» не только перестала подвергаться дискриминации как «неполноценная», «ненаучная» (в смысле отказа от физиологическо-монистического подхода), но и потребовала реформы всей психологической науки как таковой. Г. Триандис писал в этой связи: «Если для того, чтобы понимать большую часть человечества, психологию следует изменить, это необходимо признать фактом величайшей важности».

Проблема взаимоотношения двух психологий и кризис, вызванный невозможностью оставить их в рамках общей дисциплины, потребовали серьезных размышлений. Из кризиса необходимо было извлечь уроки, чтобы на основании сделанных выводов решить и возникшую проблему реформы психологической науки, проблему синтеза психологического знания.

Первыми размышлениями подобного рода оказались *методологические* размышления. И мы легко сможем увидеть по крайней мере три влиятельных методологических прорыва. *Первый* принадлежит немецкому ученому В. Дильтею, который в рамках своего глобального проекта по разделению всех наук на «естественные» и «гуманитарные» обозначил серьезное методологическое различие. Естественные науки призваны искать общие законы, и, следовательно, главным методологическим принципом для них является *объяснение*.

Объяснение – это своего рода редукция отдельного явления (например, падающего камня) и общей закономерности (закон механики Ньютона). Гуманитарные науки призваны изучать отдельные события, и поэтому главным методологическим принципом для них является *понимание*. Так, французская революция может быть «объяснена», только если из нее выхолостить все специфическое содержание. Размышление о «революциях вообще» не делает чести гуманитарному ученому, например историку. От него требуются скорее *ретроспекция*

⁵ Dewey J. Experience and Education. N. Y., P. 67.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.